

Великий русский писатель

(К 40-летию со дня смерти А. П. Чехова)

«Наша литература — лучшее, что создано нами как нацией. В ней наша философия, в ней заключены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день горят умы великой красоты и силы, сердца истинных художников. И все они, правдиво и честно освещая пережитое ими, говорят: храм русского искусства строен при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, любите его». В этой связи русской литературы с народом, о которой говорит Горький, истоки её неисчерпаемой силы и славы.

Лучшие сыны великой нации — писатели — отразили постоянное тяготение русского человека к независимости, правде и справедливости, обличали палачей «свободы, гения и славы» и всей силой своего таланта воспитывали ненависть к рабству и угнетению, проводя резкую грань между рабом, смиренно гнувшим спину, и Человеком, борющимся с угнетателями.

Антон Павлович Чехов (род. в 1860 г.) — подлинно народный писатель. И не потому, что дед его крепостной крестьянин, отец — таганрогский мещанин, а сам он прошёл суровую школу нужды и лишений, но потому, что творчество его органически связано с думами, мыслями и чаяниями народа, потому, что он был, по словам Горького, одним из лучших «друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый».

Жизнь не баловала молодого Чехова. 16 лет от роду он, оставшись в Таганроге один, вынужден был жить грошовыми уроками и случайными заработками. Окончив университет, Чехов переезжает в Москву и осенью 1879 года поступает на медицинский факультет Московского университета. Вскоре он дебютирует в юмористическом журнале «Стрекоза» и затем печатает свои рассказы в других журналах, подписывая их различными псевдонимами (Антоша Чехонте и др.). Окончив университет Чехов продолжает кипучую литературную деятельность, работая в то же время врачом. Он был полон неиссякаемыми творческими замыслами и много лет спустя, уже будучи тяжело больным. И только смерть (15 июля 1904 г.) оборвала его прекрасную жизнь, насыщенную неустанным творческим трудом во имя Родины.

Глубоко оригинальный художник, Чехов продолжил и развил лучшие традиции русской классической литературы. Как новеллист, он определил во многом характер английской и американской литературы, оказал огромное влияние на европейский театр, освободив, по словам известного английского писателя Пристли, «современного драматурга от цепей старых условностей».

Ни пошлые вкусы читателей мелких юмористических журналов, в которых Чехов сотрудничал с 1879 года, ни блистательный просмотр материалов благонамеренными редакторами, ни чудовищная цензура не могли вытравить до конца содержание первых юморесок Антоши Чехонте, в которых он высмеивал мещанство, пошлость, высокомерие, рабскую благонамеренность перепуганного обывателя, готового самого себя отвести в полицию. Писателя порой тяготила узость тематики, но бросить перо было нельзя: «если мы уйдём и оставим поле сражения... то нас тут же заменят шути в дурацких колпаках с лошадиными бубенчиками, да юнкера, описывающие свои нелепые любовные похождения».

Постепенно всё более и более глубокие содержание приобретают чеховские рассказы, поднимающиеся до высоты сатирического обличения тупоумия и невежества («В бане», «Унтер Пришибеев»), рабской психологии забитого человека («Смерть чиновника», «Восклицательный знак»), подхалимства. К этой черте, типичной для раба, Чехов возвращается не раз. Внучки Молчалина, его герои жмут «лапochку» собаке начальника, меняют в течение нескольких секунд своё лицо («Толстый и тонкий», «Торжество победителя», «Двое в одном», «Хамелеон»).

Чем больше мы читаем Чехова, тем яснее понимаем, что за его сверкающим юмором кроются «незримые, невидимые миру слезы», столь хорошо знакомые русскому читателю по творчеству Гоголя. Это впечатление усиливается по мере того, как мы переходим к произведениям, написанным после переломного для писателя 1886 года, когда он почувствовал, что его «читают и судят».

Русская литература, рассказывающая о человеке «с мягкой любовью матеря» (Горький), нашла в Чехове достойного продолжателя Пушкина, Гоголя, Толстого. Нежно любящий детей, тонко понимающий их психологию, писатель требует чуткого отношения к ребёнку. Обвинительным актом звучат рассказы «Ванька», «Спать хочется». Потрясающей силы достигает художник в новелле «Житейская мелочь», где мы видим мальчика, чья жизнь исковеркана легкомыслием матери, грубостью и ложью её любовника. Чехов видит живого, страдающего человека в замученном непосильным трудом и невежеством крестьянине, забитом извозчике, развязной проститутке и требует того же от других. Восприняв от Толстого то основное качество его реализма, которое Ленин называет «срыванием всех и всяческих масок», Чехов пишет рассказы «Сонная одура», «В суде». Перед читателем встаёт мрачная картина полного равнодушия к людям со стороны власти имущих чиновных обывателей, занятых мыслями о еде, жёнах, любовниках. Создаётся впечатление, что сама обстановка пропитана канцелярским равнодушием и холодом, и судят не живые люди, а машины: «Кажется, не сиди он (подсудимый. Л. К.) смирно, а встань, начини умолять, взывай со слезами к милосердию, горько каяться, умри он с отчаяния — всё это разобьётся о притуплённые нервы, как волна о камень». То же «срывание масок» мы видим в «Хористке», «Врагах», «Необыкновенном» с наполняющей их ненавистью к самодовольству и самовлюбленности сытых людей, их равнодушию к страданиям других.

Нарастание революционной ситуации в девяностые годы усиливает общественную активность Чехова. Он едет на остров Сахалин, чтобы показать всему миру, что в страданиях сотен тысяч людей виноваты не отдельные чиновники, а вся система Александра III и те, кто примиряются с ней. Он порывает с реакционным журналом «Новое время» и его издателем Сувориным, выступая против международного антисемитизма, раздувшего дело Дрейфуса, отказывается от звания почётного академика, когда холуй из Академии наук аннулировали по указке Николая II избрание Горького.

Чехов требует от писателя не только изображения жизни, «какова она есть в самом деле», объективности химика, знающего, что «навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль», но и «общей идеи». «Кто ничего не хочет и ни во что не верит, тот не может быть художником», а повесть «Скучная история» говорит, что тот, кто не имеет общей идеи, не может быть и настоящим учёным и полноценным человеком. Писатель-общественник создаёт такие повести, как «Мужики», «В овраге», драма «Иванов» и документально обличительный «Остров Сахалин», рисующие неизбывное страдание людей, искалеченных всем строем самодержавной России. Страстная ненависть диктует Чехову такие произведения, как «Человек в футляре» и «Палата № 6».

Переключаясь с герценовской повестью «Доктор Крупов», «Палата № 6» говорит о безумии людей, терпящих тюремный режим, шпионаж, всё удушающую атмосферу победоносцевской России, хамство и издевательство охранителей этого режима. Познакомившись с этой незабываемой вещью, Владимир Ильич Ленин сказал: «Когда я прочитал до конца этот рассказ, мне стало жутко. Я не мог

оставаться в своей комнате и вышел. У меня было ощущение, что я заперт в палате». Не меньшее значение имеет «Человек в футляре». В десятках рассказов Чехов говорил об обывателях, теряющих человеческий облик от постоянного страха за свою шкуру. Постепенно осложняясь и приобретая глубину щедринской сатиры, этот образ вырос до человека в футляре — Беликова, символа ничтожества, давящего всё живое и мыслящее, по-

рождённого атмосферой сыска и создающего её.

Такие произведения давали повод критикам рассматривать Чехова, как пессимиста, но это неверно. Чехов не утратил оптимизма и не утратил потому, что он, как и все русские писатели, никогда не ставил знака равенства между дворянско-бюрократической самодержавной империей и великой Родиной. Нежно и любовно говорит он о прекрасной русской природе, соприкосновение с которой преобразует человека. «Во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни, душа даёт отклик прекрасной суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей». («Степь»). Лучшие черты национального характера Чехов связывает с природой: «Мысли и ощущения русских людей так же широки, безграничны и суровы, как их равнины, леса и снега (Югги)». «Природа вложила в русского человека необыкновенную способность веровать, испытывающий ум и дар мыслительства. («На пути»), она определила и его врождённую поэтичность: так дед Терентий в рассказе «День за городом» знает все тайны природы. Его, как и других крестьян, «учили сами птицы, когда пели им песни, солнце, когда, заходя, оставляло после себя багровую зарю, сами деревья и травы».

«Как велика, как прекрасна эта страна», — говорит Чехов. С огромной силой он передаёт чувство тоски по родине, считает самым большим горем смерть вдали от родной страны. И тем более горько писателю, что жизнь на этой прекрасной земле исковеркана, что есть масса людей, «оскверняющих русское имя».

«Нет, больше жить так невозможно», — восклицает Чехов, и зовёт читателя к «новым формам жизни, высоким и разумным», к неустанному труду: «в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастья, его восторга». («Три сестры»). Он не скрывает своего презрения как к прекрасным мечтателям, любящим поговорить о том, что через тысячи лет не будет ни тюрем, ни сумасшедших домов и не ударяющим ради этого будущего палец о палец, так и к бездейственной критике: «нет такой стены, которой нельзя было бы пробить, но герои современного романа слишком робки, вялы, ленивы и мнительны... вместо того, чтобы бороться, они лишь критику-

ют, называя свет пошлым и забывая, что сама их критика мало-помалу переходит в пошлость» («Рассказ г-жи НН.»). Иллюстрируя это положение, Чехов создаёт в новеллах и пьесах галерею образов вялых, опшляющихся интеллигентов, не умеющих ни жить, ни чувствовать, ни любить.

Пережив кратковременное увлечение толстовством, Чехов в повестях «Моя жизнь» и «Крыжовник» отрицает толстовскую теорию нравственного самосовершенствования и опрощения, как одну из форм фактического примирения с действительностью. Писатель отказывается и от либерально-постепенной тенденции сидеть и ждать у моря погоды, пока «авось» поможет время: «Во имя чего ждать?.. ждать, когда нет сил ждать, а между тем жить нужно и хочется жить». («Крыжовник»).

Мертвечине и застою, хныканью и самолюбованию собственными страданиями Чехов противопоставляет «людей подвига, веры и ясно осознанной цели, имеющей в основе честь родины и науки». «Их упорство никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое, стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к знанию, холоду, тоске по родине... делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвлечённым понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая сила», — говорит Чехов в некрологе о знаменитом русском путешественнике Пржевальском, человеке, которого он по собственному признанию бесконечно любил.

И любимые герои литературных произведений Чехова — это беспокойные люди, не мирящиеся с маленьким мещанским счастьем, а ищущие смысл жизни в творческом труде и твёрдо верящие в светлое будущее, в то, что «человечество идёт к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле. И они ждут приближения этого времени: надвигается на всех громада, готовится здоровая сильная буря, которая идёт, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку» («Три сестры»).

Буря грянула, и на горячо любимой Чеховым родине осуществились мечты о прекрасной жизни. Но и в самые счастливые годы советские люди не забывали великого писателя. Он помогал бороться с мещанством, душевной низоостью, пошлостью, которые временами оскаливали зубы. Он учил молодёжь ценить завоеванное отцами счастье и воспитывал её в убеждении, что «в человеке всё должно быть прекрасно». Если бы Чехов дождался наших дней, самой высокой наградой для него было бы сознание того, что его творчество содействует воспитанию нового, советского человека, формированию характера героев и героинь нашего времени, таких, как Зоя Космодемьянская, записавшая в своём дневнике процитированные выше слова.

И когда враг осмелился напасть на нашу страну, чтобы превратить её в застенки, в тысячу раз худший, чем палата № 6, создатель для советских людей жизни, в которой описанный Чеховым сахалинский ад казался бы раем, когда фашистские изверги убивают детей, о которых Чехов говорил с такой любовью, — многомиллионная семья людей подвига, веры и ясно осознанной цели принимает Чехова в свои ряды, как современника и бойца. Каждой своей строкой, исполненной горячей любви и сострадания к человеку, ненависти к угнетению, презрения к малодушию и пассивности, своим призывом к подвигу, пафосом созидательного труда во имя родины и общечеловеческой культуры Чехов сегодня с нами.

И чем больше мы читаем его, тем лучше понимаем связь основных качеств чеховского творчества со всей нашей великой литературой, отразившей многовековые искания народа. И тем сильнее звучат слова нашего великого вождя, в самые тяжёлые дни войны сказавшего о непобедимости великой русской нации, «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова».

Доцент Л. КУЛАКОВА.